

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

А. А. Гриценко

Раскрываются логико-исторические основания, ретроспектива, особенности современного состояния и перспективы развития политической экономии. Показана ее внутренняя связь с институционализмом, обоснованы необходимость формирования институциональной политической экономии и ее методологический потенциал. Предложена социально-временная теория стоимости как базовая конструкция для дальнейшего развития политической экономии.

Приближается 400-летие политической экономии, занятие которой, по выражению Гегеля, делает честь мысли, так как позволяет в массе случайностей отыскивать законы. Однако не всегда политэкономия почиталась. Сейчас завершается целый период, в течение которого она в бывших социалистических странах попиралась, игнорировалась и отрицалась. Кафедры политэкономии переименовывались, курсы исчезали из учебных планов, методоло-

гические принципы не применялись в анализе происходящих изменений. Такое развитие событий стало одним из моментов «зряшного отрицания» (термин Гегеля) предшествующей действительности. Не отрицание отрицания, выводящего объект на новый виток спирали развития, а отрицание, которое вместе с водой выплескивает и ребенка. Но и это отрицание не было единственным в истории. Постепенная замена политэкономии в конце

XIX — начале XX вв. на экономикс в большинстве западных стран, отрицание наличия предмета политэкономии в нарождающемся социалистическом обществе — это лишь отдельные звенья сложной и противоречивой истории политэкономии. Но она жива, она возрождается и даже становится модной. В чем же дело? Что обуславливает такие перемены? Целью данной статьи является поиск ответов на эти вопросы и раскрытие объективной исторической роли политической экономии в развитии общества.

Несомненно, что важную роль в актуализации политической экономии сыграл современный глобальный кризис, который охватил все общество, выявил противоречия и диспропорции не только в развитии экономики и финансов, но и в самой экономической теории. Экономическая теория, представленная мейнстримом, оказалась не способной дать ответы на проблемы, поставленные временем, объяснить суть происходящих в обществе процессов и предсказать главные тенденции развития. От самых авторитетных экономистов можно было слышать утверждения о том, что «центральная проблема недопущения депрессии решена, если говорить о ней на практическом уровне» (Роберт Лукас, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1995 год, речь на ежегодном собрании Американской экономической ассоциации в 2003 г.), что «современная макроэкономическая политика решила проблему делового цикла или, если говорить более точно, ослабила ее до такой степени, что теперь она является вопросом, скорее частным, нежели требующим первоочередного внимания» (Бен Бернанке, нынешний председатель совета управляющих Федеральной резервной системы США [7, с. 24-25]). Однако реальность опровергла эти утверждения и продемонстрировала ограниченность методологического инструментария господствовавших теорий.

Мейнстрим не только оказался не готовым дать адекватные ответы на вызовы времени, но и способствовал усыплению бдительности и благодушию в среде экономистов и политиков. Здесь уместно также вспомнить неэффективность рекомендаций МВФ, основанных на методологии мейнстрима, для значительной части стран с трансформирующимися рынками, что убедительно показано в работах Стиглица [16].

Почему же так случилось, что наиболее популярные, повсеместно преподаваемые и широко распространенные теории оказались неспособными быть надежным инструментом понимания происходящих процессов и выра-

ботки адекватных ситуации решений? Это объясняется как объективными, так и субъективными обстоятельствами.

Объективно относительно сбалансированное функционирование экономик развитых стран во второй половине XX в. породило ситуацию, когда чисто функциональные подходы давали достаточно хорошо формализованные, математизированные и практически эффективные ответы на вопросы о том, как взаимодействуют элементы системы, независимо от того, насколько познана сущность самой системы и ее элементов. Формула такого подхода: мы не знаем, что это такое, но знаем, как это работает в известных нам ситуациях, и можем этим практически пользоваться.

Субъективно это выражалось в развитии функциональных подходов, математизации экономической теории, во все большем игнорировании проблем несовпадения глубинных и поверхностных процессов, утере интереса к данной проблематике, попытках обосновать такую ситуацию теоретически и появлением целого поколения экономистов, не способных оперировать категориями сущности в отличие от форм ее проявления. Такой подход был господствующим в преподавании экономикс, микро- и макроэкономикс.

В постсоветских странах такие подходы в последние два десятилетия также получили широкое распространение, хотя их экономики были далекими от сбалансированного состояния и находились в процессе трансформации. Сейчас уже нередко можно встретить выпускника вуза, который знает иностранные языки, может построить математические модели, но не способен за внешними формами проявления отыскивать не совпадающую с ними сущность и вообще более глубокие основания.

Между тем динамичное развитие общества приводит к тому, что изменения претерпевают не только внешние формы проявления, функциональные связи, но и сущность системы общественно-экономических отношений. Изменение сущности выражается в изменении формообразования, функциональных связей, что делает старые представления о функционировании системы непригодными для решения практических задач. Практические рекомендации становятся все более неадекватными ситуации и приводят к результатам, не совпадающим с ожидаемыми, а часто даже противоположным им.

Кроме объективной сложности решаемых социально-экономических задач, глубокому падению экономик постсоциалистических

стран способствовало непонимание сути происходивших процессов, инверсионного характера перехода к рыночным отношениям, определившего измененный и часто противоречащий классическому порядок экономических преобразований. Экономика Запада, как известно, двигалась к современному состоянию путем перехода от мелкой к крупной частной собственности, от свободной конкуренции и свободного ценообразования к монополии и механизмам государственного регулирования. Экономика постсоветских стран в начале 90-х гг. была максимально огосударствлена и зарегулирована, поэтому она должна была двигаться в противоположном направлении. Это не было учтено в рекомендациях западных специалистов и реальных преобразованиях, что и стало одним из важных факторов, предопределивших глубокое падение.

Инверсионность экономических процессов совпала во времени с развитием глобализационных процессов. Это привело к тому, что многие страны, например Украина, приспособились к мировой экономике в роли сырьевого придатка, не имея развитого внутреннего рынка, не решив основополагающих задач создания национальной экономики. Именно соединение двух обстоятельств: инверсионного характера рыночных преобразований и глобализации — привело к тому, что Украина попала в экономическую ловушку. Чем больше темпы экономического роста, который происходит, прежде всего, за счет сырьевых отраслей (металлургии, химической промышленности), тем хуже становится структура экономики, тем больше диспропорции и тем большая вероятность и разрушительность следующего кризиса. Подобные проблемы структурно-функционального характера имеют и другие постсоветские страны.

Все это обуславливает необходимость поиска новых теоретических подходов и методологии, способных вооружить общество адекватным пониманием происходящих процессов и эффективным инструментарием воздействия на них. Несмотря на то, что безраздельное господство в теории и в концепциях международных финансово-экономических организаций принадлежало мейнстриму (что естественно, иначе это и не был бы мейнстрим), в мире существует множество неортодоксальных и альтернативных экономических подходов и течений [18, с. 218, 272-273; 19, с. 360-361].

Для понимания всего этого необходим логико-исторический подход. Происхождению термина «политическая экономия» и измене-

нию его значения посвящены специальные работы [4, с. 680–687], которые могут служить основой дальнейшего углубленного изучения судьбы политической экономии и ее места в системе современного экономического знания.

Экономические знания, связанные с трудовой деятельностью человека, возникают вместе с человеческим обществом и первоначально вплетены в «язык реальной жизни». Они не существуют вне трудовой деятельности человека и не обособлены от нее. Но по мере развития производительных сил общества и разделения труда мыслительная деятельность обособляется от предметной трудовой деятельности, возникают группы людей, которые занимаются преимущественно умственным трудом. В отличие от первобытного строя в рабовладельческом обществе существовали философы, занимавшиеся осмыслением существующего мира. Уже в трудах древнегреческих философов Аристотеля, Ксенофонта, Платона можно найти высказывания, касающиеся отношений собственности, различия натурального и товарного хозяйства, разделения труда, обмена, свойств товара. А Ксенофонтом была написана работа, специально посвященная экономике, под которой понималось учение о домашнем хозяйстве [10].

Слова с корнем «эконом» ведут свое происхождение от греческих слов *oikos* — «дом» и *nomos* — «закон», а термин *oikonomike* в традиционном понимании означает «домоводство» [4, с. 680]. Именно в этом смысле его употребляет Аристотель [1, с. 398]. «Сходным образом латинский термин *oeconomia* также означал управление домашними делами, а в более широком смысле распространялся на «управление» вообще, включая вопросы правильного составления речей и литературных произведений. Французский термин *oeconomie*, или *économie*, воспринял расширенное латинское значение и в сочетании с определением *politique* характеризовал «государственное управление или руководство государственными делами» [4, с. 680]. Принято считать, что термин «политическая экономия» был введен Антуаном де Монкретьеном в 1615 г. в «Трактате по политической экономии» [26], где рассматривались вопросы активного участия государства в регулировании хозяйственных процессов. Однако Дж. Кинг [24] указывает на то, что этот термин употреблял еще Майерн-Тюрк [25] в 1611 г., а, возможно, учитывая то значение, которое в ту пору придавалось связи между государством и экономикой, существуют и более ранние случаи его употребления [4, с. 681].

В дальнейшем термин «политическая экономия» получает широкое распространение. Его употребляет Петти (в смысле «политическая анатомия» наряду с термином «политическая арифметика» для описания искусства выносить точные суждения о политической экономии государств), физиократы (Кенэ, Мирабо), Джеймс Стюарт, использовавший первым из английских экономистов этот термин в заглавии своей книги и считавший, что наука политической экономии стремится «обеспечить определенный фонд средств существования для всех жителей, предотвратить всякий риск возникновения недостатка этих средств, обеспечить все блага, необходимые для удовлетворения потребностей общества, и дать занятость все жителям... таким образом, чтобы создать между ними отношения взаимности и зависимости, так чтобы их личные интересы побуждали их содействовать удовлетворению взаимосвязанных потребностей друг друга» [27, с. 15, 17].

А. Смит, Бентам, Торренс, Джеймс Милль, Маккулох, Сениор и многие другие использовали термин «политическая экономия» в своих исследованиях в сходных, но различающихся аспектами и акцентами смыслах (исследование природы и причин богатства народов, связь с материальным благосостоянием, искусством законодательства, подчеркивание моральной и социальной природы политической экономии и т. д.). О господствовавших в то время представлениях о предмете политической экономии можно составить представление по его определению в широко известной работе Дж. С. Милля как науки, изучающей «законы, которые управляют общественными явлениями, возникающими как следствие объединенных усилий людей по производству богатства в той мере, в какой эти явления не модифицированы стремлением к достижению какой-либо иной цели» [4, с. 682].

Но в середине XIX в., по утверждению П. Груневегена, возникает два направления критики такого определения политической экономии. Одно связано с критикой К. Марксом содержания и метода политической экономии при сохранении самого термина («Капитал» К. Маркса, как известно, имеет подзаголовок «Критика политической экономии»), другое предлагало изменить сам термин, так как он стал вводить в заблуждение. Маклеод предложил термин *economics* (экономика или экономическая наука), определяя его как «науку, которая рассматривает законы, управляющие соотношениями между количествами товаров,

подлежащих обмену», и убедил в достоинствах такой терминологии Джеворна, который дал ей ободрительную оценку во втором издании «Теории политической экономии» [23], а последнюю из опубликованных работ назвал «Принципы экономической науки» [22]. По утверждению Кеннана [21, с. 44], А. Маршалл изданием «Принципов экономической науки» в 1890 г. положил начало широкому употреблению нового термина (*economics*). Однако Груневеген замечает, что такое утверждение справедливо лишь по отношению к последующим изданиям книги, а полная замена терминов завершилась не ранее начала 1920-х годов, но даже тогда Маршалл использовал соответствующие термины в качестве синонимов: «Политическая экономия, или экономическая наука, занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния» [4, с. 683].

В условиях средневекового феодального общества экономические знания развивались в религиозной оболочке. Основой экономических рассуждений были ссылки на религиозные учения и авторитеты, их отстаивание и комментирование, что получило выражение в схоластическом методе. Одним из наиболее видных представителей схоластов был Фома Аквинский — автор работы «Сумма технологии», в которой изложены в обобщенном виде принципы католицизма. Экономические устои общества трактовались им как божественное предопределение. В этот период возникло понятие «справедливой цены», которая покрывает издержки производства и обеспечивает возможность продавцу поддерживать свой социальный статус. По мере развития общества проблемам товарно-денежных отношений уделяется возрастающее значение.

С XVI в. в Западной Европе начинает формироваться рыночная система организации хозяйства. Вместе с ней усложняются связи между видимым движением предметных форм богатства и скрытой сущностью происходящих экономических процессов. Это порождает массовую потребность в экономических знаниях, которые помогали бы людям ориентироваться в сложном мире рыночных отношений и принимать эффективные решения. В этих условиях экономические знания обособляются от других знаний, приобретают систематический характер и превращаются в особую науку, ко-

торая получает название политической экономии.

Дальнейшее развитие политической экономии связано с углублением экономического знания, проникновением в сущность экономических процессов. Меркантилисты, У. Петти, физиократы, А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс в окружении целой плеяды экономистов, внесших свой вклад в экономическую науку, — таковы крупные вехи проникновения в сущность капиталистического общества. Вершиной этого процесса является «Капитал» К. Маркса, в котором был открыт закон движения капиталистического способа производства и дано его целостное теоретическое воспроизведение в системе экономических категорий и законов. Тем самым было завершено формирование трудовой теории стоимости, создана теория прибавочной стоимости и дано целостное теоретическое воспроизводство движения капиталистического способа производства. Параллельно развивались различного рода теоретические описания внешних поверхностных связей без выявления их внутренней связи с сущностными процессами. Это направление теоретической мысли К. Маркс называл вульгарной политэкономией.

Завершение процесса формирования капиталистического способа производства переносит акцент с познания сущности на воспроизводство функциональных связей. На смену политэкономии приходит экономикс, которая не интересуется вопросом «что это такое?», а отвечает на вопрос «как это работает?». И пока экономика является в основном сбалансированной и сохраняет старую качественную определенность, такой подход является вполне успешным. Методологической основой функционального анализа является маржинализм, применяющий субъективистский подход к анализу экономических процессов и объясняющий стоимость предельной полезностью благ. Маржинализм формируется практически одновременно с трудовой теорией стоимости, но по мере развития объективного процесса усиления значения функциональных связей в уже сложившемся капиталистическом обществе он начинает играть определяющую роль, оттеснив трудовую теорию на периферию экономической науки.

В начале XX в. вместе с возникновением государства, поставившего задачу строительства социалистического общества, произошло разделение экономической науки по идеологическому принципу. В СССР методологической основой понимания экономических процессов

была теория стоимости и прибавочной стоимости К. Маркса, изложенная в «Капитале», и теория монополистического капитализма как загнивающего и паразитического, кануна социалистической революции, созданная В. Лениным. На Западе господствовала основанная на маргинальных подходах теория, изложенная А. Маршаллом в «Принципах экономической науки» и работах других выдающихся представителей этого направления. А после мирового кризиса 1929–1933 гг. в и написания Кейнсом в 1936 г. «Общей теории занятости, процента и денег» лидерство переходит к кейнсианскому направлению, признающему необходимость государственного регулирования экономики.

В СССР некоторое время преобладали взгляды, согласно которым политическая экономия заканчивается вместе с капиталистическим обществом, но затем, по мере осознания необходимости учитывать в процессе социалистического строительства объективные экономические закономерности, возникло понимание политэкономии как науки, не ограничивающейся изучением капиталистического способа производства. В 30-е гг. XX в. появился термин «политическая экономия социализма». А первый официальный учебник, подготовленный в начале 50-х гг., признавал наличие товарно-денежных отношений при социализме, формулировал основной экономический закон нового способа производства, давал систему экономических категорий социализма и признавал наличие политэкономии в широком смысле, изучающей все известные способы производства. В 60-е гг. появился другой учебник «Курс политической экономии» под редакцией Н. Цаголова, в котором излагался иной подход к построению системы категорий коммунистического способа производства. В нем первоначально излагалась система категорий, отражающих общие основы коммунистического способа производства, а затем изучалась специфика социализма как его первой фазы. Развернутые в этих учебниках подходы были основными в построении системы категорий, хотя различных предложений на уровне определения исходного отношения и общей схемы построения системы было несколько десятков.

В 70-е гг. XX в., когда применение кейнсианских методов регулирования привело к существенному росту инфляции, происходит возвращение к неоклассической методологии с монетаризмом во главе и постепенное формирование на этой основе мейнстрима, ставшего не только господствующей методологией, но

и идеологией международных экономических организаций. И только разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис положил конец господству этой идеологии и дал начало новому поиску адекватных изменившейся действительности подходов.

В СССР 1970-е гг. отмечены новыми попытками реформирования планово-директивной экономики, достигшей, как считалось, уровня развитого социализма. Но эти попытки не допускали существенной гибкости экономики, которую требовал динамизм изменения производительных сил, потребностей и интересов членов общества. Противоречия нарастали и усиливались гонкой вооружений, что и привело в конечном счете к распаду СССР. Противоречие капитализации и социализации, из внутреннего противоречия капитала превратившееся в XX веке в противоборство двух противоположных систем — капитализма и социализма, — на рубеже XX и XXI вв. снова стало внутренним противоречием капитала, но уже на основе взаимодействия и взаимозависимости отделившихся и приобретших относительную самостоятельность экономической и социальной сфер.

Господство мейнстрима породило большое количество альтернативных направлений, с разных сторон вскрывающих недостатки мейнстрима и предлагающих иные пути развития экономической науки и преобразования общественных отношений. Весьма важную роль в приближении теории к реальному отражению действительности сыграла институциональная теория, которая «возникла и развивалась как оппозиционное учение сначала политической экономии, а потом экономикс», и пыталась отразить «не только формальные модели и строгие логические схемы, но и живую жизнь во всем ее многообразии» [12, с. 26]. Современная структура институциональной теории весьма сложна и противоречива. Единой ее классификации нет, хотя есть различные попытки упорядочить институциональные концепции [12, с. 50-54]. Институциональная экономическая теория и другие течения экономической мысли активно взаимодействуют друг с другом, взаимообогащаясь и в то же время концептуально взаимоотрицая друг друга. В этом взаимодействии появляется множество различных пересекающихся, интегрирующихся, взаимодополняющих, сопряженных и иных концепций и теорий. Политэкономия в ряду альтернативных направлений играла также весьма существенную роль. Она пыталась в соответствии со своей исторической миссией дать ответы, пре-

жде всего, на вопросы о сущности новых явлений и процессов. Возникает целый ряд форм политической экономии.

В классификации, предложенной А. Либманом [9, с. 19-33] и схематически представленной в части, касающейся экономической теории, А. Худокормовым (речь идет о структуре западного научного сообщества — экономистов и неэкономистов, изучающих экономику) [18, с. 216], мы видим радикальную, сравнительную, международную политическую экономию. К этому следует прибавить неортодоксальную, институциональную, феминистскую, экологическую, структуралистскую политическую экономию, политическую экономию развития [13], конституционную политическую экономию [8, с. 332], новую политическую экономию (с разными смыслами) [20], политэкономия власти [14], труда, капитала, собственности, счастья и др. разновидности политической экономии.

Кажется, что при таком разнообразии подходов и смыслов, вкладываемых в понятие «политическая экономия», его границы расплываются, становятся субъективными, зависящими просто от того, какое содержание вкладывает в него тот или иной автор. Но это не так. Даже если авторы не задумываются глубоко о содержании этого понятия и используют его по интуиции, интуитивно, без должного обоснования, сам этот факт достоин теоретического осмысления.

Пятилетний ребенок, например, достаточно грамотно говорит, правильно строит предложения, спрягает, склоняет, изменяет соответствующим образом окончания, не имея представления, что это описывается сложной системой грамматических правил, постичь которые, возможно, ему до конца никогда и не удастся. Но, тем не менее, он достаточно уверенно и правильно осуществляет свою речевую деятельность, строящуюся по внутренним достаточно сложным законам. Эти законы ребенок постигает вместе со способами предметной и речевой деятельности, ее динамикой, алгоритмами и неотделимо от них на уровне подсознания, специально не думая о них и не осознавая их. Но так же и ученый. Многие понятия, которые не являются для него предметом специального анализа, он использует сугубо инструментально и вкладывает в них тот смысл, который сформировался из предыдущего опыта употребления понятия без его научного изучения и определения. При этом такое употребление может имплицитно отражать более глубокие и существенные черты понятия, чем

его специальное, но недостаточно углубленное изучение. Поэтому все случаи использования понятия «политическая экономия» в научных исследованиях достойны внимания и осмысления.

Чтобы разобраться во всем многообразии политэкономических подходов, необходимо выяснить их логико-историческое основание и способы его превращения в конкретные формы политико-экономических исследований. Экономическая наука возникла как политэкономия. Ее задача состояла в выяснении сущности многообразных экономических явлений, которая скрыта за поверхностными формами и нуждается в специальных методах ее раскрытия и понимания. Но по форме она связана, прежде всего, с проблемой использования государством законов экономического развития. И сейчас существуют научные направления, связывающие ее как с постижением сущности экономических явлений и процессов, так и с отношением государства к экономике.

Сущность экономических явлений всегда заключается в экономических отношениях между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ. Именно отношения между людьми превращают бумагу в деньги, полезные вещи в товары, человека в производителя и потребителя, продавца и покупателя и т. д. А исходным экономическим отношением, как показано в литературе и доказано экспериментально, является совместно-разделенный труд [3, с. 51-53, 110-115].

В первобытном обществе, где и формировался совместно-разделенный труд, все участвовали в процессе труда, совместно добывали средства к жизни. Поэтому труд с самого начала был совместным трудом, но каждый человек выполнял лишь часть этого труда. Следовательно, весь труд был разделен между индивидами. Однако это разделение его не на различные роды, виды (охоту, земледелие и т. д.), а разделение между индивидами одного и того же труда, например, охоты. Разделенность труда выступает здесь как другая характеристика совместности. Раз труд совместный, то он выполняется несколькими индивидами. Следовательно, каждый выполняет лишь часть труда, и весь труд оказывается разделенным между его участниками. Такой труд можно квалифицировать как совместно-разделенный. Он и есть та клеточка, из которой исторически развиваются как общественное разделение и обособление видов труда, так

и его кооперирование и обобществление. Нет ни одного экономического явления, которое не являлось бы конкретной формой совместно-разделенных отношений и не содержало бы их в себе.

Вместе с тем исторически развивается и внутреннее единство разделенного (обособленного) и совместного (обобществленного) труда. В силу этого противоположности снова становятся тождественными, но на новой исторически развитой основе. Они сливаются во всеобщем труде. Всеобщий труд есть тот же совместно-разделенный труд, но прошедший через историческое развитие своих сторон (совместности и разделенности) до уровня взаимоотношения противоположностей и последующего их слияния в новом единстве. Всеобщий труд можно проиллюстрировать на примере труда современного ученого, который, например, сидя у себя дома, с помощью компьютера пользуется лучшими библиотеками мира, информацией, накопленной многими поколениями. Труд этого ученого, с одной стороны, предельно обособлен, потому что он работает один и ни с кем непосредственно не вступает в кооперацию. Но, с другой стороны, он предельно обобществлен, так как опирается на неограниченную в пространстве и времени кооперацию труда посредством знаний не только со своими современниками, но и предшественниками (К. Маркс).

Логика исторического развития совместно-разделенного труда является основой понимания взаимосвязи индивидуального и общественного начал во всех производных отношениях: потребностях, интересах, полезностях и т. д. Институты как правила и нормы деятельности возникают на стыках индивидуального и общественного, поэтому они выражают тождество, единство индивидуального и общественного, разделенности и совместности. Правила и нормы, с одной стороны, возникают как обобщение и закрепление повторяющегося в индивидуальном поведении, с другой стороны, установившись, они требуют подчинения индивидуального поведения общим правилам. И в одном случае (формировании), и в другом (функционировании) речь идет о требовании совпадения, тождества, единства индивидуального и общественного в поведении. Институт является первой закрепленной формой совместно-разделенных отношений, которые сами по себе имеют процессуальный характер. Он существует как необходимое общественное условие и потенциальная граница деятельности даже тогда, когда сама деятель-

ность прекращена. Поэтому институты есть специфическое общественное образование, они не существуют за пределами общества. Там, где есть институты, есть общество. Там, где их нет, нет и общества. А значит, нет и человека. Именно на стыке индивидуального и общественного образуется та социальная материя, из которой сотканы общество и человек. Институты — это своеобразный каркас, соединяющий все кирпичики в общественное здание и придающий им социальный характер. Они играют ключевую роль в разнообразии общественных устройств. Определяющая роль орудий труда в развитии общества в этом контексте есть определяющая роль технико-технологических институтов, так как орудия труда есть лишь опредмеченная, овеществленная форма определенных правил, норм, устоявшихся способов деятельности, т. е. институтов [5, с. 28].

Развитие совместно-разделенных отношений осуществляется от конкретного тождества, включающего в себя различия, через разность и противоположность к процессирующему противоречию разделенности и совместности, индивидуальных и общественных начал. Развитой формой реализации индивидуальных начал являются институты рынка, а развитой формой общественного начала — институт государства.

В современном обществе рынок и государство являются комплементарными институтами, предполагающими и исключаящими друг друга и выполняющими свои специфические, незаменимые функции. Рынок — это не государство, государство — это не рынок. В этом отношении они исключают друг друга. Но в то же время рынок уже не может существовать без государства, а государство без рынка. Рынок предполагает деятельность государства по правовому регулированию рыночных соглашений, проведению монетарной политики, направленной на поддержание стабильности денежной единицы, которая теперь лишь представляет стоимость в обмене, но сама реальной стоимости не имеет и, следовательно, опирается на «экономическую силу» государства. Постоянно растет доля общественных благ, производство, распределение, обмен и потребление которых не может регулироваться сугубо рыночными принципами. Таким образом, рынок предполагает деятельность государства и включает ее в свою систему отношений. Государство, с другой стороны, предполагает рынок и включает рыночные отношения как объект и форму в осуществление своей собственной деятельности. Законодательная де-

ятельность по регулированию рыночных отношений, монетарная, бюджетная политика, государственные закупки товаров и услуг по рыночным ценам и т. д. — все это формы бытия рыночных отношений в государственной сфере. В то же время рынок и государство включают друг друга как противоположности, ибо рынок основан на принципах эквивалентности, а государство базируется на неэквивалентных отношениях.

Поэтому на смену концепций, минимизирующих роль государства в экономике, и концепций огосударствления экономики должна прийти методология совместно-разделенных отношений, позволяющая дать теоретические основания для практической реализации комплементарности рынка и государства. Общей установкой такого подхода должно стать утверждение: больше государства и больше рынка.

Политическая экономия изучает совместно-разделенные отношения во всех экономических явлениях и процессах. В этом состоит специфика ее собственного предмета. Если конкретные формы воплощенности совместно-разделенной экономической деятельности рассматриваются со стороны разделенности, то образуется микроэкономическая проблематика и микроэкономика как часть экономической теории. Если конкретные формы воплощенности совместно-разделенной экономической деятельности рассматриваются со стороны совместности, то образуется макроэкономическая проблематика и макроэкономика как часть экономической теории.

Но и микро-, и макроэкономика опираются на политическую экономию как свою основу. Политэкономия изучает противоречия совместности и разделенности, общественного и частного во всех формах проявления и, следовательно, вскрывает их сущность, которая не вкладывается в формальную логику, не формализуется в своем глубинном основании и, следовательно, плохо поддается математизации. Микроэкономика изучает бытие совместного в разделенном, общего в частном, а макроэкономика, наоборот, — разделенного в совместном, частного в общем — в непротиворечивых функциональных формах, допускающих предельную формализацию и, следовательно, математизацию, что мы и наблюдаем в реальности. Непосредственным стыком, соединением, тождеством индивидуального и общественного являются институты, воплощающие в себе общее в поведении людей (формирование правил и норм) и воплощаемые в этом

поведении (подчинение правилам и нормам). Институты образуют социальный каркас общества, в рамках которого осуществляется деятельность. Они изучаются одним из наиболее влиятельных в современной общественной науке направлений — институционализмом, который одной своей ветвью смыкается с экономической наукой.

Любая экономическая деятельность осуществляется в определенных институциональных (общих, частных, специфических) условиях. Политическая экономия исходит из этих условий как внешних предпосылок, не делая их предметом специального анализа. Поэтому переход от теории одной экономической системы к другой неизбежно предполагает введение новых институциональных условий как предпосылок, выполняющих роль аксиом. Однако эти предпосылки также исторически формируются в процессе экономической деятельности людей. Следовательно, специфическая задача институционализма не может быть решена без обращения к экономической теории как необходимой внешней предпосылки. А полное воспроизводство исторического движения экономических систем возможно только в результате соединения институциональных и экономических (политико-, микро- и макроэкономических) подходов.

Решение этой задачи по существу совпадает, с одной стороны, с созданием политической экономии в широком смысле (термин введен Ф. Энгельсом [11, с. 153–154]) как науки, изучающей формирование и развитие экономических систем общества на всех этапах и во всех формах при различных институциональных условиях (здесь решение задач институционализма и политической экономии в широком смысле сливается в едином исследовательском процессе). С другой стороны, оно совпадает с формированием политической экономии в узком (локальном) смысле как науки, изучающей сущность и формы проявления отдельных экономических явлений, процессов, аспектов и т. д. (например, политическая экономия власти, политическая экономия развития, конституционная политическая экономия и пр.). В определенном смысле можно говорить о формировании глобальной и локальной политической экономии. Глобальная политэкономия прослеживает всю историю развития системы экономических отношений (исторический аспект), доводя ее рассмотрение до системы экономических отношений современной глобальной экономики (логический аспект). Локальная политэкономия применяет поли-

тико-экономическую методологию к решению частных, относительно самостоятельных проблем. Вместе с тем глобальная политическая экономия включает в себя локальную, а локальная существует только в соотношении с глобальной.

Исходные условия, правила, нормы, ограничения экономической деятельности изучаются институционализмом, который и образует переходное звено и общую предпосылку изучения экономических процессов и явлений. Институционализм опосредствует как переходы от одной исторической системы экономических отношений к другой, так и от общих и глобальных проблем к частным и локальным. Этот переход включается в саму ткань исследования, которое таким образом, не теряя политэкономический, приобретает еще и институциональный характер. По существу, такая наука представляет собой институциональную политическую экономия. Она образует сердцевину как глобальной, так и локальной политической экономии. Или, иначе говоря, глобальная и локальная политэкономия по существу является институциональной. Это же самое можно выразить и так: институциональная политическая экономия реализуется в формах глобальной и локальной политэкономии.

Рассмотренные обстоятельства показывают основательность и методологическую перспективность подходов, изложенных большой группой ученых, озабоченных кризисным состоянием экономической науки и пытающихся предложить направления выхода из него в своеобразном манифесте «К созданию институциональной политической экономии» (Towards an Institutional Political Economy) [6]. «Мы исходим из предположения, которое одновременно образует основу нашей исследовательской программы, — пишут авторы, — что только в рамках институциональной политической экономии разнообразные школы нестандартной экономической мысли имеют возможность ясно осознать свое потенциальное единство и найти общую платформу» [6, с. 18].

Экономикс в рамках такого подхода интерпретируется как аналитическая составляющая политической экономии. Акцентируется внимание на невозможности отделять анализ хозяйственных рынков от рефлексии по поводу их политических и этических оснований. Общие теоретические положения институциональной политической экономии трактуются как такие, которые нельзя применять повсеместно, вне зависимости от времени, истори-

ческого и социального контекста, в котором укоренена любая экономика. Важными являются теоретические установки, в соответствии с которыми жизнеспособная координация не может быть достигнута посредством сугубо инструментальной индивидуалистической рациональности, она предполагает наличие разделяемых ценностей и политического регулирования. Перспективным является стремление преодолеть противопоставление рынка и государства. «Институциональная политическая экономия, — утверждают авторы манифеста, — исходит из принципиальной роли Общества как такового, которая оказывается важнее координации и регулирования, осуществляемого в рамках связи Рынка и Государства. Таким образом, наряду с Государством и Рынком, институциональная политическая экономия исходит из относительно самостоятельного существования Общества, как бы оно ни определялось — как гражданское общество и общество ассоциированных связей или, в более общем виде, как совокупность местных, национальных, внутри-, и наднациональных социальных отношений» [16, с. 20].

Вместо одного (рыночного) способа обращения продуктов и услуг предлагается рассматривать три (рынок, перераспределение, реципрокность), получающие свои конкретные воплощения в рамках специфических институтов. Концепция также исходит из положений об отсутствии синхронного и диахронного, единственно возможного наилучшего пути развития институтов; необходимости нахождения критериев институциональных изменений для того, чтобы идентифицировать те институциональные элементы, которые должны быть полностью сохранены, и те элементы, которые должны быть подвергнуты преобразованию. Исследовательская программа предполагает многоуровневый анализ и создание своей специфической теории социального и экономического действия.

Нормативные положения концепции нацелены на формирование политической, демократической, моральной и справедливой общности. Положение о допустимости неравенства лишь в той мере, в которой оно позволяет улучшать позиции беднейшей части населения, дополняется тезисом о недопустимости такого уровня неравенства, который начинает разрушать политическую и моральную общность. Система сдержек и противовесов внутри политической системы, между законодательной, исполнительной и судебной властью должна быть расширена за счет системы

«сдержек и противовесов между Государством, Рынком и Обществом, а в экономической плоскости — между обменом, перераспределением и реципрокностью» [6, с. 23].

Институциональная политическая экономия опирается на нормативный неуниверсалистский и нерелятивистский сравнительный подход к исследованию институтов и стремится к разработке градуалистской реформаторско-революционной теории эволюции [6, с. 23–24].

Такая новая парадигма содержит много дискуссионных вопросов, но она улавливает главные проблемы современного общественного развития и пытается дать адекватные ответы, определяя важнейшие направления и формы решения стоящих перед обществом задач. Общей методологической основой институциональной политической экономии мог бы стать диалектический метод, сочетающий диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному, призванное дать теоретическую реконструкцию целостной социально-экономической системы, и эклектический подход, опирающийся на прямое обобщение и сочетание разнородных фактов, на эмпирико-описательный переход от одной теории целостной системы к другой. Единство и несводимость друг к другу диалектического и эклектического подходов выражается, с одной стороны, в высвечивании в процессе восхождения от абстрактного к конкретному эмпирических фактов, попадающих в поле зрения теории, и вовлечении их в теоретическое осмысление, с другой — в невыводимости чисто логическим путем одной экономической системы из другой и необходимости обращения к эмпирике как самостоятельной нетеоретической реальности, которая в теорию может быть введена только в виде внешних предпосылок.

Разрабатываемые на базе институциональной политической экономии подходы дают возможности теоретического осмысления новых явлений и процессов, связанных с формированием информационно-сетевой экономики. Так, полезность сетевых благ, в отличие от ординарных, возрастает вместе с их количеством. Например, чем больше пользователей мобильной связи, тем больше полезность мобильного телефона как сетевого блага. Сам телефон является смешанным благом: с увеличением количества телефонов у одного человека их полезность падает (ординарное благо), но с увеличением телефонов, принадлежащих разным абонентам, их полезность растет (сетевое благо), соответственно растет и спрос. Поэтому

кривая спроса на сетевые блага имеет совершенно иной вид по сравнению с кривой спроса на ординарные блага. Она возрастает по мере увеличения участников сети [17, с. 166]. А если производство сетевых благ будет занимать половину всего производства, какой вид тогда будет иметь кривая совокупного спроса? А как тогда проводить монетарную политику? На что ориентироваться? Очевидно, что традиционные подходы и модели не помогут ответить на такие вопросы. Мы стоим перед необходимостью осмысления принципиально новых явлений, и оно должно опираться на углубление понимания сущностных процессов.

Это еще раз подчеркивает необходимость обращения к такой базовой для рыночной экономики категории, как стоимость. Игнорирование стоимости как особой реальности и особой категории, не совпадающей с категориями цены, издержек, является одним из моментов отрыва финансового рынка от реальных процесса образования стоимости, мультипликации фиктивной стоимости и образования финансовых пузырей. Отношение к проблеме стоимости является критерием отнесения определенных взглядов к тому или иному научному направлению. Еще Д. Рикардо говорил, что «ничто не породило так много ошибок и разногласий в этой науке (политической экономии. — А. Г.), как именно неопределенность понятий, которые связывались со словом „стоимость”» [15, с. 3].

Несмотря на огромное разнообразие взглядов на стоимость, основные подходы можно свести к двум направлениям: трудовой теории стоимости и маржинализму. Трудовая теория определяет стоимость овеществленными в товаре общественно-необходимыми затратами труда, а маржинализм — предельной полезностью благ. Эти направления развивались в определенной конфронтации, но существуют объективные основания для рассмотрения их как дополняющих друг друга¹. Они выражают разные, переходящие друг в друга уровни отношений.

Если человек, например, во время пожара может спасти только один из полезных предметов, то он, безусловно, будет спасать более полезный. Если же выяснится, что они в одинаковой мере полезны, то будет выбран тот, на воспроизводство которого необходимо больше затрат труда и, соответственно, времени. В первом случае работает маргинальный при-

нцип, во втором — принцип трудовой теории стоимости в своем зачаточном состоянии.

Если в условиях натурального хозяйства человек хочет иметь какое-то дополнительное благо, то он должен затратить время на его изготовление, т. е. превратить часть своего свободного времени в рабочее и на протяжении этого времени создать указанное благо. Если же свободного времени нет, то необходимо отказаться от изготовления других благ, на которые затрачивается эквивалентное количество рабочего времени. В сокращенном формализованном виде это можно выразить так:

$$G_A = t_{WA} \leq t_f \leq t_{WB} = G_B$$

где G_A — полезность блага A , от изготовления которого отказываются для того, чтобы освободить время для производства блага B ; G_B — полезность блага B ; t_{WA} — рабочее время, необходимое для производства блага A ; t_f — свободное время (высвобождение из производства блага A); t_{WB} — рабочее время, необходимое для производства блага B .

$G_A = t_w$ означает эквивалентность полезности блага A рабочему времени, необходимому для его изготовления. $t_{WA} \leq t_f$ показывает, что предпочтение отдается свободному времени по сравнению с рабочим временем, которое используется на производство блага A , при этом количественно свободное время равно рабочему. $t_f \leq t_{WB}$ означает, что предпочтение отдается рабочему времени, необходимому для изготовления блага B по сравнению со свободным временем (высвобожденным из производства блага A), хотя количественно они равны. $t_{WB} = G_B$ свидетельствует об эквивалентности полезности блага B рабочему времени, необходимому для его изготовления.

В приведенных формулах принципы маржинализма и трудовой теории стоимости в ее зачаточном виде применяются и поочередно, и одновременно. Они переплетаются в потоке экономических преобразований. Без них невозможно понять все слагаемые этого процесса.

Если в процессе формирования стоимости в ее классической форме переход осуществляется от индивидуального рабочего времени к усредненному и овеществленному, то исторический процесс прехождения трудовой стоимости идет в обратном порядке: сначала диалектически снимается овеществление (это связано с переходом к постиндустриальному обществу, где большая часть валового внутреннего продукта производится в виде услуг, которые не имеют овеществленной формы), потом

¹ Основательный анализ современного значения теории трудовой стоимости и новая трактовка ее соотношения с теорией предельной полезности даны в работе [2].

отделяются затраты труда от времени воспроизводства, и, наконец, усредненное время воспроизводства блага (услуги) снимается индивидуальным.

При таком подходе стоимость рассматривается как процесс, в котором ее субстанция — общественное время — проходит разные исторические формообразования. Классическое определение стоимости в трудовой теории является адекватным индустриальной рыночной экономике, но вместе с тем оно есть ключ к познанию предшествующих и будущих исторических форм. В свою очередь, трудовая теория стоимости является исторической формой социально-временной теории стоимости, которая рассматривает социальное время и пространство как взаимопереходящие характеристики единой экономической реальности.

Естествознание уже давно оперирует понятием пространства-времени, в котором казалось бы независимые и самостоятельные характеристики превращаются лишь в разные измерения единой реальности. В исследовании экономической действительности понятия пространства и времени использовались всегда достаточно активно, но преимущественно в традиционном, обыденном значении. Однако сама экономическая деятельность, в основе которой исторически лежит труд человека, изначально является способом взаимопревращения времени и пространства в особые социально-экономические формы бытия.

В процессе трудовой деятельности человек осваивает естественное пространство, затрачивая на это время своей жизнедеятельности и создавая, таким образом, особые трансформы экономического пространства-времени. Эти трансформы преодолевают естественную ограниченность пространства и времени. Наиболее развитой трансформой пространства-времени является стоимость.

В соответствии с трудовой теорией, стоимость представляет собой затраты общественно-необходимого времени труда, воплощенные в товаре. Это есть время, ставшее пространством товара, или пространство, измеренное временем и состоящее из него. Однако совпадение экономического пространства-времени с естественным пространством товара и физическим временем труда носит исторический характер. По мере того, как труд перестает быть главным фактором производства блага обособляется от времени труда, а пространственное бытие выделяется из естественного пространства товарного

мира. Первоначально это движение связано с возникновением денег как особого товара, в теле которого концентрируется экономическое пространство-время, но затем, с переходом через знаковую к идеальной форме стоимости, экономическое пространство-время приобретает чистую, идеальную форму.

Вещь, в которой воплощено общественно-необходимое время труда, находится в пространстве. Затем вещная форма исчезает, но пространственное бытие общественно необходимого времени остается. Это — локализованное в пространстве время — и есть современная форма бытия стоимости. Стоимость, как форма внутреннего единства пространства и времени, преодолевает внешние пространственно-временные ограничения: миллиардные состояния посредством электронных платежей мгновенно перемещаются с континента на континент подобно электрону в квантовой механике, не находясь в промежуточных точках пространства.

Что в этом случае перемещается? Идеальная форма денег? Или сами деньги? Или также и стоимость? Если исходить из адекватного индустриально-рыночной экономике понимания стоимости как овеществленного в товаре времени труда, то такое перемещение без вещественного тела стоимости невозможно. Но если понимать стоимость как пространственную локализацию времени воспроизводства блага, что соответствует формирующейся информационно-сетевой экономике, то такое перемещение является естественным. Просто изменяется пространственная локализация общественно необходимого времени.

В соответствии с изложенным стоимость представляет собой социально-экономическую форму единства пространства и времени. Это становится понятным только в современном обществе, где движения стоимостного богатства обособилось от его материально-вещественных форм, но с самого начала время социальной жизнедеятельности человека является пространством его собственного развития. И это прогрессирующее отношение проявляется в разнообразных исторических формах. В конечном счете, все стоит человеку жизни, точнее, времени социальной жизнедеятельности, находящем выражение в разных формах вещественного, деятельного и духовного богатства.

Обобщая сказанное, стоимость можно определить как основание выбора блага, предельная полезность которого равна полезности свободного времени, от которого необходимо

отказаться, превратив его в общественно необходимое рабочее время, овеществленное и пространственно локализованное в товарах, а затем в своем движении в качестве особой формы единства экономического пространства и времени обособившееся от материально-вещественных благ и затрат труда и ставшее в виде денег эквивалентом времени воспроизводства блага. В этом определении отражены основные логико-исторические переходы в движении стоимости. Но его можно проиллюстрировать и каким-то простым современным примером.

Допустим, человеку необходимо купить стиральную машину, денег на которую пока нет. Пусть стиральная машина стоит 32000 руб. Их можно получить, подрабатывая по субботам в течение 8 часов с оплатой 250 руб. в час. В этом случае за месяц будет заработано 8000 руб. И если отвлечься от влияния других факторов (налогов и т. д.), то необходимая сумма будет накоплена за 4 месяца.

Стиральную машину можно и не покупать, тогда по субботам будет свободное время. Выбор в пользу стиральной машины будет сделан тогда, когда ее полезность, субъективно определяемая индивидом, сравняется или превысит полезность свободного времени. В этом случае стоимость машины 32000 руб. для человека означает отказ от 128 часов свободного времени и превращение их в рабочее время, в течение которого будут произведены определенные товары и заработана необходимая сумма денег¹, представляющая обособленную от материально-вещественных форм стоимость, способную превратиться в желаемое благо. Если производство высокотехнологично и играет роль время воспроизводства блага, а не собственно затраты труда, то определение стоимости, приведенное выше, представлено своей практической жизнью в индивидуальных действиях индивида.

Кратко это же можно выразить так: стоимость есть пространственно локализованное общественно необходимое время воспроизводства благ, полезность которых превышает предельную.

Достоинством предложенной концепции является то, что теоретическое определение

стоимости получено на основе обобщения ее реальной истории и истории теоретических взглядов на стоимость. Совпадение в основных моментах актуальной реализации в современном обществе стоимости для индивида и ее развертывание историей человечества свидетельствует об истинном пути. Данная концепция включает и маржинальный подход, и теорию трудовой стоимости. Последняя рассматривается как развивающаяся в социально-временную теорию, которая будет утверждаться по мере отделения времени воспроизводства блага от времени труда. На базе этой теории могут быть решены все другие проблемы политической экономии.

Таким образом, историческая миссия политической экономии состоит в исследовании сущности экономических процессов, что можно сделать только на основе логико-исторической методологии. Там, где вопросы изучения сущности становятся жизненно важными (а это бывает при существенных изменениях экономической системы), политэкономия актуализируется, а там, где достигнуто устойчивое состояние общества, преобладающими становятся функциональные подходы. Современная экономика характеризуется динамизмом и существенными изменениями институциональных условий и различных своих составляющих. Реакцией на это является появление множества разновидностей политэкономий, учитывающих влияние институциональных условий протекания экономических процессов и формирование институциональной политэкономии. Последующее развитие экономической реальности и отражающей ее теории приведет к формированию глобальной и локальных политэкономий как форм институциональной политэкономии.

Методология институциональной политической экономии дает новые возможности для осмысления современных нестандартных ситуаций как в глобальном, так и в локальных экономических пространствах (странах, регионах, отдельных секторах и сферах экономики), имеющих специфические институциональные условия функционирования и развития. Вместе с тем она через институциональные условия, впитывающие в себя влияние смежных неэкономических факторов (природы, техники и технологий, исторических традиций, национального менталитета и т. д.), обеспечивает актуальную междисциплинарную сопряженность политической экономии с другими отраслями знания.

¹ Здесь мы отвлекаемся от собственно капиталистической формы труда, в результате которой работник получает лишь часть созданной им стоимости. Но в данном случае это не влияет на адекватность отражения сущности дела: человеку стиральная машина стоит 32000 руб., что эквивалентно его отказу от 128 часов свободного времени и превращению их в рабочее время.

Список источников

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4-х т. — Т. 4. — М. : Мысль, 1983.
2. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Пределы капитала. Методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии // Бузгалин А. В., Колганов А. И. Избранные тексты. — М.: Культурная революция, 2009. — С. 344-372.
3. *Гриценко А. А.* Развитие форм обмена, стоимости и денег. — Киев : Основа, 2005. — 192 с.
4. *Груневеген П.* «Политическая экономия» и «экономическая наука» // Экономическая теория : пер. с англ. / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгрейта, П. Ньюмена; науч. ред. пер. чл.-корр. РАН В. С. Автономов. — М. : Инфра-М, 2004. — С. 680-687.
5. Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / Под ред. д-ра экон. наук А. А. Гриценко. — Харьков : Форт, 2008. — 928 с.
6. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. — 2008. — Т. 9. — №3 (май). — С. 17-24.
7. *Кругман П.* Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата. — М. : Эксмо, 2009. — 336 с.
8. *Либман А. М.* Политико-экономические исследования. Обзор и некоторые приложения // Труды семинара «Теоретическая экономика». Кн. II / Под ред. А. Рубинштейна. — М. : ИЭ РАН, 2008. — С. 321-376.
9. *Либман А. М.* Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития // Труды семинара «Теоретическая экономика». Кн. I / Под ред. А. Я. Рубинштейна. — М. : ИЭ РАН, 2008. — С. 87-134.
10. *Лисовицкий В. Н.* История экономических учений : учеб. пособие. — Харьков : РИ.Ф., 2002. — 320 с.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — 2-е изд. — Т. 20. — М. : Изд-во политической литературы.
12. *Нуреев Р. М.* Эволюция институциональной теории и ее структура // Институциональная экономика : учебник / Под общ. ред. А. Олейника. — М. : Инфра-М, 2007. — 704 с.
13. *О'Хара Ф.* Современные принципы неортодоксальной политической экономии // Вопросы экономики. — 2009. — № 12. — С. 38-57.
14. *Олейник А.* Политэкономия власти. Подходы к анализу отношений между государством и бизнесом в России // Вопросы экономики. — 2011. — № 5. — С. 19-32.
15. *Рикардо Д.* Сочинения. — Т. 1. — М. : Госполитиздат, 1941.
16. *Стиглиц Дж. Ю.* Глобализация: тревожные тенденции : пер. с англ. — М. : Мысль, 2003. — 300 с.
17. *Стрелец А. И.* Сетевая экономика. — М. : Эксмо, 2006.
18. *Худокормов А. Г.* Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада // Труды семинара «Теоретическая экономика» / Под ред. А. Рубинштейна. — М. : ИЭ РАН, 2009.
19. *Худокормов А. Г.* Экономическая теория: Новейшие течения Запада : учеб. пособие. — М. : Инфра-М, 2009.
20. *Чекмарев В. В.* Разные новые политические экономии // Философия хозяйства. — 2009. — № 5. — С. 90-99.
21. *Cannan E.* A Review of Economic Theory. — London : P. S. King & Son, 1929.
22. *Jevons W. S.* Principles of Economics. — London: Macmillan, 1905.
23. *Jevons W. S.* The Theory of Political Economy. 2nd edn. — London : Macmillan; 1879.
24. *King J. E.* The Origin of the Term "Political Economy" // Journal of Modern History/ — 1948. — Vol. 20. — P. 230-231.
25. *Mayerne-Turquet L. de.* La Monarchie Aristodemocratique; ou le Gouvernement compose` et melse` des trois formes de legitimes republicues. — Paris, 1611.
26. *Montchretien A. de.* Traite` de l'economie politique. Ed. Th. Funck-Drentano. — Paris: Plon, 1889.
27. *Steuart J.* An Inquiry into the Principles of Political Economy. Ed. A. S. Skinner. — Edinburgh and London: Oliver & Boyd for the Scottish Economic Society, 1966 [1767].
28. *Verri P.* Reflections on Political Economy / Ed. P. Groenewegen. Reprints of Economic Classics. Series 2. No. 4. — Sydney, 1986.

УДК 330

Ключевые слова: политическая экономия, институционализм, институциональная политическая экономия, совместно-разделенные отношения, рынок, государство